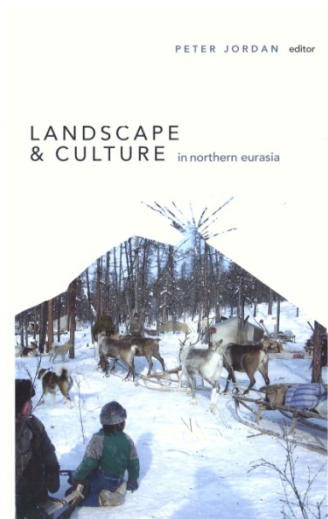

УДК 39 (082)

DOI: 10.17223/2312461X/14/17

Peter Jordan (ed.). 2011. *Landscape and culture in Northern Eurasia*. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, Inc. 358 p. ISBN 978-1-59874-244-2 (hardcover)
(О.А. Поворознюк)¹

Сборник статей *Landscape and culture in Northern Eurasia*, вышедший под редакцией археолога Петера Джордана в 2011 г., представляет собой подборку исследований культурных ландшафтов и связанных с ними идентичностей, образов жизни и верований коренных народов Северной Евразии. Книгу отличает «насыщенность» этнографических описаний, лежащих в основе сюжетов отдельных статей, и общая междисциплинарность. Авторами статей являются социальные антропологи, археологи, этнологи из ведущих научных центров России, Европы и Северной Америки, обладающие богатым опытом полевых исследований на циркумполярном Севере. Широка и сама география представленных case studies, охватывающая целый ряд этнических групп и регионов российского Севера, и одно сопоставительное исследование, посвященное шведским саамам. Это объясняется тем, что знакомство англоязычного читателя с обширной этнографией коренных народов российского Севера, которые, по сравнению с другими народами мира, до сих пор остаются за рамками доминирующего научного дискурса, являлось одной из задач редактора.

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ (грант № 15-01-18111, рук. Д.А. Функ).

В центре монографии, как следует из названия, лежит концепция культурного ландшафта. История изучения этого феномена уходит корнями в исследования материальной и духовной культуры и адаптаций обществ северных охотников-собирателей. Понять процессы формирования и трансформации ландшафтов, населенных различными этническими группами, помогают и советские исследования в области этнической истории (этногенеза), частично «реабилитированные» в книге. Ряд современных подходов социокультурной антропологии и других социальных дисциплин включает конструктивистские, структуралистские и постмодернистские интерпретации динамики развития культурных ландшафтов.

Социальные и символические аспекты конструирования пространства через повседневные практики являются важными темами в исследованиях ландшафтов. Ряд представленных в книге статей (*Haakson and Jordan, Filchenko, Lavrillier*) фокусируется на организации компонентов, уровней и видов освоенного ландшафта в противоположность неосвоенному. Такая структуралистская интерпретация пространства характерна, в частности, для российской / советской традиции этнокультурного ландшафтоведения, опирающегося на методы географических и экологических исследований (Калуцков 1998).

Ключевым для рецензируемой книги является представление о ландшафтах как отражении исторических процессов, наделенном смыслами, ценностями и властными структурами, встроенными в их материальность и традиции использования. Процессуальный подход к изучению ландшафта определяет их понимание скорее как «незавершенного проекта», чем как конечного продукта: люди создают ландшафты, а ландшафты в свою очередь определяют идентичности и модели адаптации людей в ходе повседневных продолжающихся социальных практик.

Концепция глобализующегося ландшафта не только как временного, но и как пространственного континуума, с составляющими его *culture-, ethno-, finance-scapes*, отражена в работах Аппадурай и его последователей. Согласно этой концепции, разрыв территориальных связей, «детерриториализация», и заимствование иных ценностей и образов жизни, продуцируемых средствами массовой информации, изменяют механизмы воспроизводства групповых идентичностей (Appadurai 1991). На другом конце континуума «глобальное – локальное» находятся «укорененные» аборигенные сообщества, привязанные к местным ландшафтам за счет материальных (хозяйственных) и духовных практик, лежащих в основе их социокультурной адаптации (Поворознюк 2007).

Специфика культурных ландшафтов Севера отражена в их экологических, исторических и духовно-религиозных аспектах. Резко континентальный климат, разнообразие типов флоры и фауны Северной

Евразии определили образ жизни и стратегии освоения ресурсов ранних обществ охотников-собирателей. История формирования северных ландшафтов связана с интенсификацией контактов охотников со сложными обществами более южных широт. Эти контакты вовлекали аборигенные общества Северной Евразии в политическую и экономическую орбиту соседствующих с ними государств и империй (скандинавских стран, России, Китая и Японии), ведя к их кардинальным социальным изменениям. «Северное мировоззрение» демонстрирует поразительную преэминентность среди охотничьих и оленеводческих народов всей циркумполярной зоны. В основе этой космологии находится система верований и представлений о вселенной как многоуровневом пространстве, населенном людьми, духами и иными сущностями, взаимодействующими между собой. Материальным воплощением традиционного мировоззрения и ритуальных практик являются сакральные ландшафты.

Структура книги включает три основных раздела с условно обозначенными темами. Статьи, входящие в первый раздел, рассматривают ландшафт как средство коммуникации. Посредством охотничьих ритуалов и жертвоприношений люди вступают в такое взаимодействие с животными, духами и другими сущностями, которое приводит ландшафт в движение (см. статью *Plattet*, с. 97). Первая статья подборки (*Willerslev*, сс. 49–70) представляет собой перспективистское исследование ландшафта юкагиров как вневременного пространства. Его восприятие субъективно и зависит от точки зрения и черт людей и других населяющих его одушевленных и неодушевленных существ и даже предметов. В данном случае взаимоотношения охотника и диких животных характеризует инверсия (взаимная перестановка). Животное – не просто преследуемая дичь, а партнер, для привлечения которого охотник использует приемы-ритуалы «обольщения», пуская в ход свою сексуальную энергию. При этом происходит трансформация человеческой идентичности охотника, которая, впрочем, является обратимой и достигается за счет ритуалов воздержания от секса до и очищения после охоты.

В исследовании Андерсона современные ритуалы забайкальских эвенков анализируются в контексте постсоветского (нео)шаманизма (*Anderson*, сс. 71–95). На примере одного оленеводческого хозяйства автор попытался раскрыть роль жертвоприношений духам в поисках новых идентичностей и путей развития на фоне бурных социально-экономических преобразований. Описываемые ритуальные действия, реконструируемые по устным описаниям, этнографическим книгам и старинным фотографиям, служат средством коммуникации людей с другими людьми, духами и окружающей средой. «Ритуальные» ландшафты как средство коммуникации морских охотников и оленеводов

Камчатки также находятся в центре внимания Плате. Автор показывает, что организация ландшафтов коренного населения тесно связана с хозяйственным укладом (морской зверобойный промысел vs. оленеводство), за которым стоит особая символическая логика (*Plattet*, cc. 97–116). Праздник охотников на морского зверя Ололо и ритуальное захоронение останков жертвенных оленей среди оленеводов на фоне единых топографических черт и внешне похожих ритуальных действий (танцы, имитирующие животных) формируют разные культурные ландшафты.

Статья Александры Мэлоуни о сакральном ландшафте селькупов рисует топографию священных мест, являющихся центрами коммуникации между мирами многоуровневой вселенной (*Maloney*, cc. 117–132). Благодаря продолжающимся практикам жертвоприношений людям удастся сохранять «хорошие отношения» с духами и окружающей средой, обеспечивая таким образом свое благополучие в настоящем и будущем. Важную роль в поддержании этих отношений играют деревья, реки и другие черты сакрального ландшафта как проводники между средним миром – средой обитания людей и животных – и верхними и нижними мирами духов.

Вторая часть монографии представлена статьями, описывающими практики освоения природного ландшафта и способы организации среды обитания среди кочевого и оседлого коренного населения таежных и тундровых зон. Исследование Вате ярко иллюстрирует гендерный аспект символического деления культурного ландшафта чукчей-олeneводоов (*Vate*, cc. 135–159). В то время как мужчины в основном заняты выпасом оленей в «диком» пространстве тундры, средой обитания и хозяйственной деятельности женщин является жилище, домашний очаг. Термин «яранга» в чукотском языке означает традиционный тип жилища и одновременно служит метафорой, используемой при описании оленьего стада. Женщины играют центральную роль в сохранении связи между обжитым и диким пространством, «одомашнивая» оленей и самих мужчин с помощью огня очага и специальных ритуалов.

Хаакансон и Джордан анализируют семантику, восприятие и преемственность в сохранении сакральных ландшафтов ямальских ненцев (*Haakanson and Jordan*, cc. 161–177). Их статья иллюстрирует тезис о том, что охотники и собиратели оказывают минимальное физическое влияние на природный ландшафт: их мобильные общества проектируют свои ментальные и духовные миры на нетронутую топографию мест. Установка и покрытие чума, определение места очага являются проекцией ментального порядка организации пространства. С переносом жилища переносится и эта ментальная проекция, не оставляя материальных следов на природной среде. Жертвоприношения умершим и духам являются наиболее устойчивой практикой «демаркации» святых

мест и захоронений, обеспечивающей межпоколенную преемственность в сохранении культурного ландшафта ненцев.

Статья Фильченко также посвящена механизмам воспроизводства и восприятию культурного ландшафта. На примере васюганских хантов автор иллюстрирует способы конструирования, освоения и зонирования ландшафта, связанные с практиками его использования, символическим значением (сакральные места vs традиционное природопользование) и доступом (ограниченный/свободный). Культурный ландшафт хантов как отражение их традиционной космологии включает множество взаимосвязанных мест, зон и сфер обитания отдельных людей и групп, животных, духов, божеств и других существ. Преемственность в передаче традиционных экологических знаний определяет устойчивость практик повседневного и ритуального природопользования и представлений о священных землях (*Filchenko, cc. 179–197*).

Концепция ландшафта *aiylha* раскрывается в нарративах, исторической памяти и традиционном знании ессейских якутов. Хотя она и подразумевает скорее сакральное пространство, сотворенное высшими силами, человек в процессе трансформации и перевоплощения также может приобщиться к этому ландшафту (так, например, души умерших людей становятся частью *aiylha*). Якутские легенды и предания учат бережному и уважительному отношению к горам, рекам, озерам (важнейшим из которых, несомненно, является Ессей) и к населяющим их духам. Устные «дорожные» истории показывают, что кочевые тропы оленеводов и торговые тракты, когда-то связывавшие фактории с удаленными поселками, в сознании коренного населения также концептуально относятся к *aiylha*. Наблюдения за сезонными изменениями окружающей среды и навыки ориентации в пространстве, с одной стороны, и ассоциации людей с божествами и представителями местной фауны в фольклоре и верованиях, с другой, отражают материальные и духовные связи ессейских якутов с ландшафтом (*Argounova-Low, cc. 199–214*).

Культурный ландшафт эвенков-орочонов Южной Якутии и Амурской области, на первый взгляд, представляется жестко структурированным. «Домашнее», обжитое пространство оленеводческих стойбищ, маркированное останками чумов и хозяйственных построек и следами человеческой деятельности, противопоставлено «дикому» пространству окружающей тайги. Маршруты кочевий и передвижения живых людей организуются таким образом, чтобы избежать мест захоронений и обитания духов умерших родственников, которые могут нанести вред живущим. Однако на практике границы между этими видами ландшафтов являются переходными. «Одомашнивание» дикого пространства является временным, а духи умерших, согласно традиционным верованиям эвенков, тесно связаны с духами животного мира в бесконечном цикле

освоения, трансформации и возрождения природы и ландшафта (*Lavrillier, cc. 215–231*).

Истории трансформации культурных ландшафтов посвящен третий раздел книги. Так, сакральный ландшафт манси представляет собой одновременно культурную арену длительных межэтнических контактов и отражение традиционного мировоззрения. При этом география сакральных ландшафтов является социально конструируемой. Эта особенность, в частности, проявляется в наделении божеств манси человеческими характеристиками и социальным статусом, которые определяют возможности и ограничения в общении с ними. Например, жертвоприношения в виде пороха и оружия «мужским» божествам совершаются мужчинами, в то время как контакт женщин с ними регламентируется жесткими ограничениями и запретами (*Glavatskaia, cc. 235–255*).

Сасаки пишет о советских трансформациях и о возрождении традиции почитания священных мест удэгейцев, которой сегодня следуют и русские, и другое некоренное население. В период коллективизации ландшафт долины Бикина был условно поделен на две хозяйственные зоны, предназначенные для традиционных видов деятельности (охота, рыболовство и собирательство) и скотоводства и земледелия. Разделительной чертой между двумя типами природопользования на территориях с разным правовым статусом стала священная скала Сивантай – место обитания «хозяина» леса – божества (автор определяет его именно так, deity) Лаобату. Если исторически скала была местом проведения ритуалов вызывания охотничьей удачи среди удэгейцев, то сегодня она стала объектом поклонения представителей разных социальных групп независимо от их этнической принадлежности и хозяйственной деятельности (*Sasaki, cc. 257–278*).

Христианизация и советские трансформации культурного ландшафта российского Севера изменили его значение и восприятие со стороны коренного населения. Так, например, практики традиционного землепользования коми отличаются прагматизмом, а сам ландшафт символически делится на «домашний» (поселок) и «дикий» (тундра). Духовным аспектом отношения к земле является религиозный синкретизм, включающий дохристианские, православные христианские и ненецкие элементы верований и ритуальных практик в отношении захоронений и других священных мест (*Habeck, cc. 279–295*).

Еще более сильным трансформациям подвергся культурный ландшафт енисейских кетов (*Vajda, cc. 297–314*). Многие традиционные способы организации пространства (ориентация по рекам и сторонам света) при перекочевках, устройстве жилища и совершения ритуалов ушли в прошлое. Хотя часть кетов продолжает заниматься охотой и рыболовством на землях своих предков, элементы их традиционного мировоззрения и сакрального ландшафта сегодня отражены в основном в топонимах и других лингвистических материалах.

Источниками реконструкции культурных ландшафтов в более современной исторической перспективе могут быть и археологические находки (*Broadbent and Edvinger, cc. 315–338*). Так, круговые каменные кладки, распространенные в северной и восточной Скандинавии, с заключенными в их центре культовыми объектами и следами жертвоприношений, а также останки ритуальных захоронений медведя составляют исторический ландшафт саамов. Дополняемые данными фольклора и этнографии, эти археологические свидетельства рисуют историю изменяющегося ландшафта, живущего в нарративах, мифах, космологии, генеалогиях и названиях мест.

В заключение следует отметить, что рецензируемая монография на сегодняшний день представляет собой наиболее полную, с точки зрения эмпирических данных, тем и подходов, коллекцию исследований в области антропологии культурных ландшафтов коренных народов российского Севера. Особняком в ней стоит заключительная статья БROADBENTA и ЭДВИНГЕРА, которая, очевидно, и обусловила заявленную в названии географию – Северную Евразию. Однако культурная общность и историческая преемственность калейдоскопа северных ландшафтов, описанных в книге, обусловлена не только и не столько внешними экономическими и общественно-политическими факторами. В основе формирования и трансформации ландшафтов лежит единое мировоззрение – комплекс верований, ритуальных и духовных практик и традиционного знания аборигенного населения циркумполярного Севера.

О.А. Поворознюк

Институт культурной и социальной антропологии Университета Вены,
Институт этнологии и антропологии РАН

Литература

- Appadurai A.* Global Ethnoscapes: Notes and Queries for a Transnational Anthropology // Fox R. G. (Ed.), *Interventions: Anthropologies of the Present*. Santa Fe: School of American Research, 1991. P. 191–210.
- Калуцков В.Н.* Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // *Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований* / Под ред. В.Н. Калуцкова. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 6–13.
- Поворознюк О.А.* Культурный ландшафт и адаптация в современных условиях российского Севера (на примере читинских эвенков) // *Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы* / Под ред. Д.А. Функа. М.: Наука, 2007. Вып. 33. С. 188–208.

Рецензия поступила в редакцию 28 сентября 2016 г.

Povoroznyuk O.A., Institute of Cultural and Social Anthropology, University of Vienna / Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

---

Review of Peter Jordan (editor). 2011. Landscape and culture in Northern Eurasia. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, Inc. 358 pp. ISBN 978-1-59874-244-2 (hardcover)*

DOI: 10.17223/2312461X/14/17

* The review is written under the project supported by the Russian Foundation for the Humanities (grant# 15-01-18111, principal investigator D.A. Funk).

References

- Appadurai A. Global Ethnoscapes: Notes and Queries for a Transnational Anthropology, *Fox R. G. (Ed.), Interventions: Anthropologies of the Present*. Santa Fe: School of American Research, 1991, pp. 191-210.
- Kalutskov V.N. Etnokul'turnoe landshaftovedenie i kontseptsiiia kul'turnogo landshafta [Ethno-cultural landscape studies and the concept of cultural landscape], *Kul'turnyi landshaft: voprosy teorii i metodologii issledovaniia*. Pod red. V.N. Kalutskova [Cultural landscape: the issues of theory and research methodology. Edited by V.N. Kalutskov]. Smolensk: Izdatel'stvo SGU, 1998, pp. 6-13.
- Povorozniuk O.A. Kul'turnyi landshaft i adaptatsiia v sovremennykh usloviakh rossiiskogo Severa (na primere chitinskikh evenkov) [Cultural landscape and adaptation in Russian North's modern context (the case of Chita Evenks)], *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovye problemy*. Pod red. D.A. Funka [Races and peoples: modern ethnic and racial issues. Edited by D.A. Funk]. Moscow: Nauka, 2007. Vol. 33, pp. 188-208.